

Челпанов Георгий Иванович

**О современных философских
направлениях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г36

Г36 **Георгий Иванович Ч.**
О современных философских направлениях / Челпанов Георгий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 109 с.

ISBN 978-5-521-29945-4

ISBN 978-5-521-29945-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ны, въ которыхъ они подходили къ разрѣшенію главнаго вопроса философіи, именно вопроса о возможности метафизическихъ построеній.

Приступая къ доказательству возможности метафизики, я испытываю тѣ же чувства, какія испытывалъ семь лѣтъ тому назадъ, когда на этомъ же мѣстѣ я приступалъ къ доказательству несостоятельности матеріализма. Тогда меня упрекали въ томъ, что отрицаніе матеріализма представляетъ опасность для науки, что оно въ современную жизнь можетъ внести элементы мистицизма, которые могутъ оказаться опасными для науки. Я знаю, что терминъ „метафизика“ рѣжетъ ухо современнаго образованнаго чловѣка. Въ ней усматриваютъ опасность для науки, но я думаю, и постараюсь показать это уже въ сегодняшней лекціи, что метафизическія построенія со-всѣмъ не представляютъ ничего опаснаго для науки и что боязнь метафизики—есть старый предрасудокъ.

Опредѣлимъ прежде всего, что такое метафизика, каковы ея задачи, есть ли метафизика наука, какое значеніе она имѣетъ. Причемъ спѣшу замѣтить, что терминъ метафизика для меня тождествененъ съ терминомъ философія. Я употребляю безразлично одинъ вмѣсто другого.

Чтобы отвѣтить на вопросъ о значеніи философіи, я позволю себѣ привести одну легенду, которая приурочивается къ личности знаменитаго философа древности Пифагора. Говорятъ, что во время своихъ странствованій онъ пришелъ въ городъ Фліунтъ въ Элидѣ и вступилъ въ бесѣду съ властителемъ этого города. Онъ говорилъ съ нимъ о различныхъ предметахъ и поразилъ его своими знаніями и краснорѣчіемъ и тотъ спросилъ его, въ какихъ наукахъ или искусствахъ онъ считаетъ себя особенно свѣдущимъ. „Ни въ какихъ,—отвѣчалъ Пифагоръ,—я только философъ“. Такъ какъ это названіе показалось властителю Фліунта новымъ и необычнымъ, онъ спросилъ Пифагора, кто такіе философы и чѣмъ они отличаются отъ другихъ людей. Пифагоръ отвѣчалъ: „жизнь можно уподобить огромному рынку и Олимпійскимъ играмъ. На рын-

кѣ есть продавцы и покупатели. на играхъ состязаются въ бѣгѣ; на рынкѣ ищутъ прибыли и богатства, на играхъ—извѣстности и славы, но и на рынкѣ, и на играхъ есть еще и третій классъ людей, которые не принимаютъ участія ни въ куплѣ и продажѣ, ни въ состязаніи: они являются простыми зрителями. Такъ и въ жизни, одни ищутъ богатства, другіе—извѣстности и славы, но есть и третій классъ людей, которые ищутъ только познанія, познанія природы всѣхъ вещей и познаніе истины цѣнятъ выше всего. Они называютъ себя философами, т. е. людьми, стремящимися къ мудрости, къ высшему познанію, но не называютъ себя мудрецами, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, мудрецами могутъ быть только боги, людямъ же присуще только стремленіе къ мудрости“. (По гречески *sophos* — значить мудрецъ, а *philosophos*—значить стремящійся къ мудрости, любящій мудрость). Такой взглядъ на познаніе природы вещей или высшего познанія былъ присущъ всѣмъ греческимъ философамъ. Для нихъ философія была тѣмъ познаніемъ, на которомъ можно было построить искусство жизни. Такой взглядъ на философію возникъ въ тотъ періодъ, когда нужно было найти что-либо вмѣсто отжившей религіи. Идеальной цѣлью греческихъ философовъ было стремленіе къ высшему познанію, на которомъ можно было бы основать жизнь и жизнепониманіе. Такова идеальная цѣль философіи. Но чѣмъ философія отличается отъ другихъ наукъ? Философія можетъ отличаться отъ наукъ или *методомъ познанія* или *предметомъ* познанія. Дѣйствительно, философы-идеалисты начала 19-го вѣка предполагали, что философскій способъ познанія совершенно отличается отъ обыкновеннаго познанія. Въ то время, какъ въ наукахъ мы можемъ познавать, благодаря опыту, наблюденію реальныхъ вещей и явленій, философія, по ихъ мнѣнію, можетъ познавать при помощи раскрытія понятій. Философъ можетъ построить всю систему міра изъ раскрытія одного такого понятія, какъ „бытіе“. Натуралистъ изслѣдуетъ природу при помощи разсмотрѣнія реальныхъ предметовъ и явленій. Философъ изучаетъ ту

же природу при помощи діалектическаго развитія понятій; философъ узнаетъ внутреннюю связь вещей изъ раскрытія понятій. Натуралистъ строитъ естествознаніе; философъ строитъ натурфилософію. Такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ философвъ, методъ философскаго изслѣдованія кореннымъ образомъ отличается отъ метода изслѣдованія эмпирическаго, отъ того метода, которымъ пользуются другія науки.

Въ настоящее время этотъ взглядъ совершенно оставленъ. Теперь нѣтъ философвъ, которые думали бы, что есть какой то особенный философскій методъ познанія. Въ настоящее время философы всѣхъ направленій признаютъ, что возможенъ только одинъ способъ познанія, именно при помощи опыта, наблюденія, руководимаго разсужденіемъ. Философъ не обладаетъ какимъ нибудь особеннымъ способомъ познанія.

Если, такимъ образомъ, философія не отличается отъ другихъ наукъ методомъ, то, можетъ быть, она отличается *предметомъ*. Каковъ предметъ философіи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, рассмотримъ области человѣческаго познанія. Человѣкъ изслѣдуетъ движенія небесныхъ свѣтилъ, міръ физическихъ явленій, міръ жизненныхъ явленій, міръ психическихъ явленій и, наконецъ, міръ социальныхъ явленій. Всѣ эти явленія мы познаемъ при помощи наукъ: астрономіи, физики, біологіи, социологіи, со всѣми подраздѣленіями этихъ наукъ. Такъ какъ этими явленіями исчерпывается все нами познаваемое и такъ какъ это содержаніе распредѣляется между указанными выше науками, то для философіи не остается, повидимому, мѣста: всѣ другія науки подѣлили между собой все, что можетъ быть познаваемо. Еслибы философъ захотѣлъ заниматься изученіемъ явленій души, то психологъ ему сказалъ бы: „это моя область“. Еслибы онъ захотѣлъ взять на себя изученіе міра живыхъ существъ, то онъ получилъ бы то же возраженіе отъ біолога. Повидимому, послѣ того какъ отдѣльныя науки взяли на себя изслѣдованіе отдѣльных частей дѣйствительности, на долю

философiи ничего не остается, но это только повидимому, потому что есть вопросы, которые не входят въ составъ отдѣльныхъ наукъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, посмотримъ, какъ древнiе греческiе философы формулировали основные вопросы философiи. Θαλες спрашивалъ, изъ чего происходитъ *все* существующее, т. е. изъ какихъ элементовъ складывается все то, что существуетъ, и на этотъ вопросъ отвѣчалъ: „Все получается изъ воды. Вода есть основа существующаго“. Демокритъ ставилъ вопросъ, изъ чего состоятъ всѣ вещи, т. е. матеріальныя и духовныя, и отвѣчалъ, что онѣ состоятъ изъ мельчайшихъ, недѣлимыхъ частичекъ матерiи. По его мнѣнiю, изъ однихъ атомовъ составились камни; изъ другихъ—организмы; изъ третьихъ—души организмовъ. Замѣтимъ, что вопросъ, который поставлялъ Демокритъ, не былъ вопросомъ биологiи или психологiи, потому что онъ не спрашивалъ, изъ чего получается растительный міръ или животный, изъ чего складывается психическiй міръ, а задавался вопросомъ обо *всемъ* мірѣ, обо *всемъ* существующемъ. Философъ спрашиваетъ, изъ какого *основного принципа* составляется все существующее: и небесныя свѣтила, и камни, и организмы, и души. Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не о какой нибудь части дѣйствительности, а обо *всемъ* существующемъ, то это не можетъ быть предметомъ какой либо частной науки, а можетъ быть предметомъ философiи, науки о всей дѣйствительности. Далѣе, зададимся вопросомъ, что представляетъ собой міръ, какъ цѣлое. Есть ли онъ что нибудь замкнутое въ самомъ себѣ, въ родѣ вещи, о которомъ мы только можемъ сказать, что онъ существуетъ, или же вселенная представляетъ собою нѣчто въ родѣ организма, который живетъ, развивается, направляется къ разумно сознательной цѣли. Само собой разумѣется, что вопроса о мірѣ въ цѣломъ не можетъ ставить ни одна наука, такъ какъ каждая изъ нихъ занимается только отдѣльной частью вселенной. *Изслѣдованiе же природы вселенной является предметомъ философiи.*

Такимъ образомъ, ясно, что предметъ философіи въ отличіе отъ предмета отдѣльныхъ наукъ заключается въ изслѣдованіи всей дѣйствительности, всего существующаго, всей вселенной. Отвѣчая на эти вопросы, нѣкоторые философы приходятъ къ признанію существованія души, цѣлесообразности вселенной, всемірнаго разума и т. под.

Но если мы скажемъ, что задача философіи заключается въ познаніи всей дѣйствительности, то спрашивается, какимъ образомъ такое познаніе можетъ осуществиться? Астрономъ изучаетъ небесныя свѣтила, біологъ — живыя существа, руководясь опытомъ и наблюденіемъ, изслѣдуя ту часть вселенной, которую они себѣ отмежевали. Но какимъ способомъ философъ можетъ изучать природу всей дѣйствительности, всей вселенной? Само собой разумѣется не при помощи изученія какой либо отдѣльной части дѣйствительности. Поэтому самымъ естественнымъ является допущеніе, что для познанія міра, взятаго въ цѣломъ, философъ долженъ оперировать тѣми данными, которыя доставляетъ каждая наука въ отдѣльности. Если мы эти данныя синтезируемъ, то мы получимъ то, что необходимо для опредѣленія природы вселенной. Вотъ единственно возможный путь построенія системы міра. Такое опредѣленіе мы находимъ у всѣхъ выдающихся современныхъ философовъ. Огюсть Контъ опредѣляетъ философію какъ „общую систему человѣческихъ знаній“. Гербертъ Спенсеръ подъ философіей понимаетъ „вполнѣ объединенное знаніе“. По мнѣнію Вундта, задача философіи заключается въ томъ, чтобы соединить всѣ данныя, добытыя отдѣльными науками, въ одно цѣлое. По мнѣнію Вундта, разрѣшить задачу философіи можно только въ томъ случаѣ, если мы подведемъ итоги всему человѣческому познанію.

Если мы скажемъ, что задача философіи заключается въ общемъ знаніи природы вещей и что для построенія такого знанія необходимо подвести итогъ всему человѣческому познанію, то тотчасъ возникаетъ цѣлый рядъ сомнѣній, которыя обыкновенно въ этомъ случаѣ приво-

дятся и на которыя мы попытаемся отвѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ.

Первое возраженіе заключается въ слѣдующемъ.

Если вы утверждаете, что философія подводитъ итоги человѣческому знанію, то это неразрѣшимая задача. Человѣческій умъ не можетъ объять всѣхъ знаній. Это можно было сдѣлать во времена Демокрита и Аристотеля, а теперь при огромной спеціализаціи наукъ не одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ обладать всѣми научными знаніями для того, чтобы подводить имъ итоги. Кто осмѣлится въ настоящее время сказать, что онъ философъ и что онъ занимается изслѣдованіемъ природы вселенной?

На это возраженіе можно отвѣтить слѣдующимъ образомъ. Когда мы говоримъ, что для построенія системы міра необходимо подвести итоги всему человѣческому знанію, то изъ этого не слѣдуетъ, что философъ долженъ быть знакомъ со всѣми науками во всей ихъ полнотѣ и со всѣми деталями, которыя доступны для спеціалистовъ той или другой области знаній. Для построенія системы міра вполне достаточно знакомства съ *основными принципами* отдѣльныхъ наукъ, а такого рода познанія вполне доступны для человѣческаго ума, конечно, не всякаго. Они доступны не для всякаго даже называющагося философомъ, потому что „построеніе системъ“ есть удѣлъ немногихъ. Философовъ, способныхъ созидать системы философіи, очень немного. Созиданіе системы не должно быть непремѣнной задачей всякаго философа. Обыкновенные философы могутъ довольствоваться тѣмъ, чтобы готовить путь для тѣхъ немногихъ. Что энциклопедическое познаніе доступно для человѣческаго ума, доказывается примѣромъ такихъ философовъ какъ Контъ, Спенсеръ, Вундтъ, которые въ совершенствѣ были знакомы со всѣми принципами современныхъ наукъ. Если они погрѣшали въ деталяхъ, то это совершенно не имѣло значенія для ихъ системъ. Мы знаемъ, что таково же положеніе и въ другихъ наукахъ. Если такой энциклопедистъ-біологъ, какъ Дарвинъ могъ на основаніи своихъ обширныхъ познаній создать свой

законъ, то, разумѣется, это не исключало того, что были детали въ біологіи, съ которыми онъ не былъ знакомъ. Огюсть Контъ и Герб. Спенсеръ точно также, погрѣшая иногда противъ деталей, создали системы, удовлетворявшія цѣлыя поколѣнія.

Разсмотримъ дальнѣйшія возраженія противъ метафизики. Обыкновенно говорятъ, что, такъ какъ философія имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе природы духа, безсмертіе души, изслѣдованіе того, что называютъ разумнымъ руководителемъ міра, и такъ какъ это есть нѣчто сверхчувственное, выходящее за предѣлы чувственного опыта, то оно не можетъ быть познано съ достовѣрностью и во всякомъ случаѣ относительно всего того, что сверхчувственно, можно дѣлать только предположенія, строить гипотезы, которыя одному могутъ казаться достовѣрными, а другому недостовѣрными. Познаніе такихъ вещей можетъ входить въ область религіи и чего угодно другого, но не науки. Поэтому слѣдуетъ сказать, что *метафизика*, вслѣдствіе недостовѣрности своихъ положеній, вслѣдствіе того, что ея предположенія гипотетичны, *не есть наука*.

Можно согласиться, когда говорятъ, что главные вопросы философіи имѣютъ дѣло съ тѣми фактами, которые выходятъ за предѣлы чувственного опыта. Въ настоящее время нѣтъ философовъ, которые думали бы приводить такіе строгіе доказательства своихъ положеній, какъ это дѣлалъ нѣкогда Спиноза, который думалъ построить систему міра съ математическою точностью. Мы можемъ согласиться съ тѣмъ, что философія строится главнымъ образомъ на гипотезахъ, но никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, будто изъ этого слѣдуетъ, что философія не есть наука, что ея построенія не имѣютъ научнаго характера. То обстоятельство, что положенія философіи недостаточно достовѣрны, на мой взглядъ, не лишаетъ ее права занимать мѣсто среди другихъ наукъ. Нельзя же сказать, что наука занимается изслѣдованіемъ исключительно только достовѣрнаго, а что все вѣроятное исключается изъ области наукъ. На самомъ дѣлѣ въ наукѣ достовѣрными

оказываются положенія, относящіяся къ простѣйшимъ явленіямъ, въ области сложныхъ явленій ея положенія не достовѣрны. Что мы знаемъ, напр., о законахъ наслѣдственности, можемъ ли мы дать болѣе или менѣе достовѣрное объясненіе *причинъ* наслѣдственности? Конечно, нѣтъ. Но однако наука не считаетъ эту область не подлежащей ея вѣдѣнію. Что мы знаемъ объ атомистическомъ строеніи вещества? очень мало достовѣрнаго; но и эта область не исключается изъ науки, потому что есть надежда, что современемъ удастся пролить свѣтъ и въ эту темную область.

Многіе совершенно неправильно стараются представить науку, какъ что то законченное, достигшее извѣстной степени совершенства. На самомъ дѣлѣ то, что мы знаемъ достовѣрно, составляетъ безконечно малую долю того, что мы должны были бы знать. Англійскій логикъ *Джевонсъ* совершенно правильно возражалъ противъ той мысли, что наука приходитъ къ окончательному рѣшенію своихъ вопросовъ. „Теологи, говоритъ онъ, испугались теоріи Дарвина, воображая, что эта теорія можетъ объяснить все механическими и матеріальными причинами и уничтожить всякую мысль о цѣлесообразности. Они не увидѣли того, что эта теорія поставила гораздо болѣе вопросовъ, чѣмъ разрѣшила ихъ“. Я позволю себѣ привести одинъ примѣръ для иллюстраціи того, какія области считаются научными. Англійскій физикъ Томсонъ предполагаетъ, что, такъ называемая, матерія состоитъ изъ вращающихся частичекъ чего то, сплошь наполняющаго все міровое пространство, другими словами, изъ вихреобразныхъ движеній повсюду разлитой жидкости. По замѣчанію другого физика, Тэта, опредѣленіе результатовъ взаимнаго наклоннаго толчка двухъ такихъ вихрей должно было бы въ теченіе двухъ или трехъ поколѣній занять всю жизнь лучшихъ математиковъ Европы. Однако эта область не исключается изъ наукъ. Слѣдовательно, разъ признано, что въ наукѣ существуютъ области, въ которыхъ не можетъ быть достовѣрныхъ познаній, и этимъ

не наносится ущерба наукѣ, то почему же философія лишается права оперировать въ областяхъ, въ которыхъ не можетъ быть вполне достовѣрныхъ знаній. Говорятъ, что въ философіи все *гипотезы*. Изъ такого замѣчанія явствуетъ, повидимому, что наука или совсѣмъ не пользуется гипотезою или пользуется ею чрезвычайно мало. Но это, конечно, невѣрно. Въ наукѣ большинство, такъ называемыхъ, теорій представляютъ собой гипотезы, такъ напр., Дарвиновская теорія—гипотеза; эфиръ—гипотеза; Канто-Лапласовская теорія образованія солнечной системы—гипотеза; атомъ—гипотеза, и даже, такъ называемый, законъ сохраненія энергіи—гипотеза.

„Да, но въ наукѣ гипотезы или провѣряются или могутъ быть провѣрены посредствомъ *опыта*“, говорятъ иногда. Это совсѣмъ не вѣрно. Посредствомъ какого опыта можетъ быть провѣрена теорія Дарвина? Въ какомъ опытѣ мы можемъ видѣть или ощущать атомы? Это на всегда останется гипотезой, не провѣренной непосредственнымъ опытомъ.

Замѣтимъ, что и въ метафизикѣ гипотезы играютъ ту же самую роль, что и въ естествознаніи. Именно они служатъ для *дополненія опыта*. На какихъ основаніяхъ метафизикъ признаетъ существованіе души? Допуская существованіе души метафизикъ рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Я воспринимаю непосредственно въ опытѣ извѣстныя представленія, чувства и вообще психическія состоянія, но я не могу понять, отчего они составляютъ одно единство—мое „я“. Для того, чтобы объяснить это явленіе, я допускаю существованіе души, этого „нѣчто“, которое является носителемъ психическихъ состояній и которую я ни въ какомъ опытѣ воспринять не могу. Метафизикъ употребленіемъ гипотезы души только *дополняетъ* опытъ. Не такъ ли поступаетъ и химикъ, когда онъ допускаетъ гипотезу атома? Вѣдь и атомъ онъ допускаетъ для того, чтобы дополнить опытъ. Въ непосредственномъ опытѣ онъ воспринимаетъ только матеріальныя явленія, а для объясненія причинъ явленій онъ допус-

каетъ существованіе атома.—„Гипотезы естествознанія, говорятъ на это, вполне убѣдительны, онѣ могутъ быть признаны всѣми, а гипотезы метафизическія не убѣдительны и никто ихъ не признаетъ“. Но это, разумѣется, не вѣрно. Очень многія естественно-научныя гипотезы многими признаются совсѣмъ неправильными, напр., гипотеза эфира, атомная теорія и т. п. Если такимъ образомъ тѣ области, въ которыхъ могутъ быть примѣняемы приблизительно достовѣрныя положенія и гипотезы, не исключаются изъ науки, потому что есть надежда на то, что современемъ наука въ этой области будетъ имѣть достовѣрныя положенія, то точно такимъ же образомъ, мнѣ кажется, и метафизическія гипотезы должны быть допускаемы, потому что они могутъ въ послѣдствіи приобрести большую достовѣрность, чѣмъ та, которую онѣ имѣютъ въ настоящее время.

Очень часто отъ тѣхъ, которые относятся скептически къ философіи, можно слышать заявленія, что она не наука, потому что она не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ, что она собственно топчется на мѣстѣ, что она не можетъ указать ни на одно положеніе, относительно котораго могла бы сказать „вотъ это мое прочное достояніе“, которое было бы признано всѣми, какъ это мы имѣемъ во всѣхъ другихъ наукахъ. Всѣ современные философскія построенія, по ихъ словамъ, мы можемъ найти уже у Платона и Аристотеля. Но такое заявленіе можно слышать только отъ того, кто или совсѣмъ не знакомъ съ исторіей человѣческой мысли или кто вообще задался цѣлью доказать во что бы то ни стало тщету философіи. Я вамъ укажу нѣсколько примѣровъ, которые показываютъ, что философія несомнѣнно прогрессируетъ, напр., различіе между физическими и психическими процессами, которое до Декарта никакъ не могло сдѣлаться точнымъ достояніемъ философіи, въ настоящее время пользуется общимъ признаніемъ. А кто можетъ въ настоящее время подвергнуть сомнѣнію субъективность всего, нами воспринимаемаго? и т. под. Если бы я сказалъ, что теорія Дарвина была